

В. П. Тимошенко

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ: ПРЕДЕЛЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Процесс вступления России во Всемирную торговую организацию вновь вызвал к жизни столетнюю дискуссию о пределах открытости отечественной экономики мировому рынку. С тех пор как мирохозяйственные факторы стали оказывать заметное влияние на экономическую политику царского правительства, в русской историографии не утихали споры об их влиянии на общий процесс экономического развития. В 1920-е гг. речь шла о безусловной необходимости монополии внешней торговли для ограждения слабой отечественной экономики от давления капиталистического окружения, в конце 1980-х гг. — о необходимости широкой либерализации связей с мировым рынком для преодоления кризиса советской плановой системы, в 2000-х гг. — о протекционистской защите нуждающейся в модернизации отечественной экономики. «Рыночный фундаментализм» 1990-х гг., во многом определивший ход и характер российских экономических реформ, не считался с тем обстоятельством, что в отечественной экономической мысли существует давняя и мощная традиция взвешенного подхода к решению проблем хозяйственного развития, традиция нахождения среднего пути между двумя крайностями — изоляционизмом и либерализмом. Участники дискуссии неизменно обращаются к опыту регулирования внешнеэкономических связей эпохи промышленной революции в Российской империи, считая сложившийся тогда порядок либеральным (однако точнее, на мой взгляд, его можно обозначить как прагматический). Чем же ценен этот опыт?

В последней четверти XIX в. переход России к индустриально-технологическому типу организации экономики стал исторической необходимостью. Попытка утвердить положение России как одной из ведущих держав в Европе могла быть успешной только при условии достижения ею уровня экономического развития, близкого к европейскому. Продиктован-

ные в первую очередь внешними условиями экономические реформы 1860-х гг. стали своеобразной «революцией сверху». Развитие российской промышленности при условии успешного осуществления этих реформ могло пойти по общему с Западной Европой руслу. Новые отношения охватывали промышленность, торговлю, транспорт, т. е. основные отрасли народного хозяйства. Перспектива промышленного развития России при ограниченности внутреннего рынка и при хроническом недостатке оборотного капитала связывалась либо с преимущественно экспортной ориентацией, либо с вариантом раздувания производства средств производства по казенной программе. Но для расширения экспорта нужно было технически модернизировать промышленность и добиться конкурентоспособности ее продукции на мировом рынке. И тот и другой вариант нуждался в значительных капиталовложениях. «Железнодорожный бум» 1880–1890-х гг., происходивший при финансовой подпитке из-за рубежа (более 4 млрд руб. государственных и гарантированных правительством займов), в корне изменял положение вещей. Ресурсы были вложены в промышленные, кредитные, страховые и торговые акционерные общества.¹ Значительная часть средств направлялась на развитие горного дела, металлургии, машиностроения, электротехники, химической и текстильной промышленности.

Колоссальные потребности в материалах для железнодорожного строительства стимулировали развитие промышленности. Сырьевые богатства, а также наличие государственного заказа на промышленную продукцию обусловили всплеск интереса зарубежных предпринимателей как к экспортно-импортным операциям, стимулировавшим развитие существующего производства, переживавшего кризис, так и к созданию новых производств, ориентированных на запросы традиционного хозяйства различных регионов Азии. Иностранные товары и капиталы хлынули мощным потоком в рос-

Тимошенко Владимир Петрович — д.и.н., г.н.с. сектора экономической истории России Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: vpt@k66.ru

¹ Подробнее об этом см.: Timoshenko V. Breakthrough to a New Age? Foreign Economic Factors in Urals Economic Development in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Russian Studies in History. 2011. Vol. 50, № 2. P. 79–94.

сийскую экономику, переживающую технологический и инвестиционный голод.

Конечно, масштабное вовлечение иностранных инвестиций в отечественную промышленность, да еще на стадии ее капиталистической переориентации, когда менялись вековые устои социальных отношений и правовые регламенты, не могло проходить гладко. Вокруг этой проблемы развернулись острые политические споры, имевшие исключительно важное влияние на формирование государственной политики в отношении иностранных вкладов в России.² Эта политика имела две ограничительные установки — прагматическое стремление развить отечественную экономику до уровня европейской и мотивированную государственными интересами потребность протекционизма в отношении отечественной экономики. Стране требовалась хорошо проработанная программа внешней торговли и привлечения иностранных инвестиций и, конечно, законодательная база, которая могла бы воспрепятствовать превращению России в аграрно-сырьевой колониальный придаток развитых стран и способствовала бы реализации национальных интересов.

В 1885 г. в ответ на высказываемое промышленными кругами недовольство активностью иностранных предпринимателей в освоении правительственных заказов, а также в связи с назревшей необходимостью финансовых реформ в стране Министерство финансов предлагает новую концепцию внешней торговли. В основу концепции был положен тезис о «необходимости полного покрытия ввоза вывозом», т. е. постоянного поддержания активного сальдо торгового баланса. За счет дополнительных поступлений денежных средств предполагалось обеспечить выплаты по дороговому в обслуживании внешнему долгу и впоследствии заняться генеральным пересмотром таможенного тарифа в интересах собственной промышленности.

Увеличивая ввозные пошлины последовательно по отраслям производства, правительство существенно снизило объем импорта. Товары потребительского спроса были оттеснены в российский импорт товарами производительного спроса. Сокращение ввоза иностранного металла способствовало развитию

металлургии и рельсового производства.³ Россия перестала импортировать даже паровозы и вагоны для железных дорог. В то же время эти меры способствовали монополизации внутреннего рынка, что негативно сказывалось на технологическом развитии. Нужно заметить, что в целом огульное повышение тарифов не оказывало положительного влияния на промышленное производство: приобретая возможность беспрепятственного сбыта своей продукции, отечественные промышленники, огражденные от конкуренции более качественных иностранных товаров, теряли стимул к интенсивному развитию своих производств.

Помимо фискального направления, тарифная политика 1880-х гг. несла в себе и «покровительственную» составляющую. Оценивая ее, следует учесть следующее обстоятельство: покровительствуя приоритетным отраслям промышленности, правительство той же самой мерой практически всегда ущемляло интересы других отраслей. Ввиду отсутствия программы целенаправленного развития промышленности и отсутствия у правительства четкого видения приоритетов в направлении покровительства, таможенная опека предоставлялась отраслям производства бессистемно.⁴

Потребность в кредитовании развивающейся экономики подтолкнула правительство к созданию условий для «переселения» иностранного производства внутрь страны. Намечился переход от поощрения отдельных отраслей к политике тотального протекционизма. В 1891 г. был издан «Общий таможенный тариф России», согласно которому размер пошлин был значительно увеличен. В новом тарифе содержалась уже не протекционистская по отношению к отечественной промышленности система, а скорее запретительная, ограничивающая ввоз товаров зарубежного производства.

С 1887 г. деятельность иностранных компаний всецело подчиняется российским законам. Для управления делами в России правлениям компаний надлежало открывать агентства, вносить денежный залог, публиковать и предъявлять контрольно-ревизионным органам государства отчеты и т. п. Возникавшие конфликтные ситуации рассматривались национальными судебными учреждениями. При этом зарубежные финансисты не огра-

² См.: Материалы по истории СССР. Т. 6: Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959. С. 181, 182.

³ См.: Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал. XVII–XX вв.: избр. тр. Екатеринбург, 2005. С. 493.

⁴ См.: Шванебах П. Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 106.

ничивались созданием предприятий с иностранным уставом: они вкладывали средства и становились совладельцами российских акционерных обществ.⁵

Одновременно российское правительство осуществляло меры по упорядочению финансовой системы через проведение финансовой реформы, касающейся в частности золотой валюты. Именно с успешным завершением финансовой реформы связан рекордный прилив иностранных капиталов в хозяйство России (1895–1902 гг.). Однако образование собственных компаний и фирм не стало главной формой притока иностранного капитала (на это направление приходилось около 40% инвестиций). Иностранные компании и банки были более заинтересованы во вложении средств в акции российских акционерных обществ. Несмотря на значительные ограничения в приобретении ценных бумаг для иностранных граждан, 60% иностранных инвестиций в 1900–1917 гг. приходилось на ценные бумаги.⁶ В 1895–1904 гг. в правительственных структурах России шла острая борьба вокруг вопроса о снятии ограничений для иностранного акционерного учредительства (разрешительная система учредительства, именные акции, ограничения для иностранцев в приобретении земли, занятиях промыслами и т. д.). Выступая против указанных ограничений, С. Ю. Витте писал в представлении Министерства финансов в Кабинет министров о том, что выпуск именных акций с ограничением права приобретения их одними русскими подданными при современных условиях кредита не гарантирует еще отсутствия участия в деле иностранных капиталов. Такое участие, по мысли С. Ю. Витте, хотя и косвенное, не подлежит сомнению, в частности, когда акции эти находятся в руках банков, чьи собственные анонимные акции помещены за границей. Следовательно, привлечение иностранного капитала не делает еще предприятие иностранным. Гораздо существеннее вопрос о том, в чьих руках находится управление делами компании.⁷

Высоко оценивал иностранное участие в развитии русской промышленности и один из авторов «толкового» протекционизма, выдающийся русский ученый Д. И. Менделеев. Он

писал: «Иностранные капиталисты взошли в последние годы во многие промышленные предприятия России, особенно в горные и металлургические. Такое явление... возмущает очень многих. Но без них... наша крупная промышленность не могла бы быстро возрастать, и если иностранный капиталист получает своих 5–10% интереса, он все же оставляет в стране заработок, в десятки раз превосходящий этот интерес капитала».⁸

Высокому спросу на промышленный капитал внутри России в этот период соответствовало его предложение на европейском финансовом рынке: Россия переживала промышленную революцию и бурный рост промышленности значительно позже основных европейских стран. Основным стимулом к вкладыванию денег в российское производство была высокая норма прибыли в ее промышленности, товары которой в условиях преобладающего патриархального производства реализовались «с колес». Прибыльность «гарантировалась и отсутствием практически всякой конкуренции со стороны иностранных товаров: даже если они и прорывались на российский рынок, то их цена, включавшая огромные пошлины, была такова, что не знаящие этого бремена отечественные товары могли реализовываться и выгодно, и быстро». Значительное повышение таможенных барьеров сделало более предпочтительным для иностранных предпринимателей не ввоз готовой продукции, а ее производство внутри России. Нужно сказать, что в конце XIX в. таких же правил придерживались и другие государства, в частности САСШ и Германия, которые тоже отгородились от товарной интервенции «глухим частоколом» таможенных тарифов⁹ (правда исследователи признают первенство за барьером, воздвигнутым российскими протекционистами). Но если в Соединенных Штатах уровень ввозных пошлин был выше, то в России он охватывал более широкий ассортимент товаров. Факторы, вызывающие техническую, экономическую и финансовую концентрацию, действовали в конце XIX в. во всех промышленно развивающихся странах, но результат их действия — степень монополизации экономики, частота случаев проявления монопольной власти — в различных странах был разным.

⁵ См.: Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 125, 126.

⁶ См.: Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России (конец XIX в. — 1908 г.). М., 1984. С. 168.

⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 64. Д. 1644. Л. 179.

⁸ Менделеев Д. И. Учение о промышленности // Сочинения. Л.; М., 1950. Т. 20. С. 372.

⁹ См.: Бовыкин В., Решетников В. Успехи и неудачи на мировом рынке // Известия. 1993. 5 мая.

Доля России в мировом экспорте на рубеже XIX–XX вв. не превышала 4%. Она была ниже ее доли в мировом промышленном производстве, это же можно сказать об ее удельном весе в производстве сельхозпродукции. В условиях жесточайшей конкуренции российские товары на мировом рынке с трудом пробивали себе дорогу к потребителю. Так, в конце XIX в. в Европу стала ввозиться пшеница из САСШ, Канады, Аргентины и Австралии. Под влиянием американской конкуренции поток русского хлебного экспорта изменил направление. Первоначально главным ее покупателем была Англия. Но в сложившихся условиях России пришлось переориентироваться на Германию и Голландию. В последнем десятилетии XIX в. российские компании предприняли попытку потеснить мировых нефтяных гигантов. Однако в борьбе с американской компанией «Стандарт Ойл» они потерпели поражение. Малоуспешной оказалась и попытка металлургических и машиностроительных заводов прорваться на мировой рынок. Им удалось вырвать из рук конкурентов лишь ряд заказов на поставку рельс в Италию, Данию, Болгарию, Румынию, Аргентину, Китай, а также продать паровозы для румынских и алжирских железных дорог. Только вступив в международный рельсовый картель, отечественные заводы смогли организовать устойчивый экспорт своей продукции, правда квота, полученная ими, была ничтожно мала. Международный рынок сахара регулировался брюссельской конвенцией 1905 г. Россия присоединилась к ней, когда рынок был уже поделен, и поэтому довольствовалась незначительными объемами экспорта. Более успешными были действия на рынке асбеста. Асбестовая промышленность развивалась в двух мировых центрах — в Канаде и в России (на Урале). В Канаде было сосредоточено около 80% мирового производства асбеста, и она контролировала рынок САСШ и Южной Европы. На Урале добывалось асбеста около 16% его мирового производства, и сбыт осуществлялся в основном в Англии, Франции, Бельгии, Германии, Австрии.¹⁰ Конкурентная борьба во всех сегментах мирового рынка нарастала, поэтому российская тарифная политика не могла осуществляться без учета общего экономического курса главных игроков мирового рынка.

Под влиянием этого обстоятельства в 1890-е гг. российская тарифная политика заметно эволюционировала в сторону снижения запретительных порогов. Таможенная борьба на рынках западноевропейских государств привела к разработке систем двойных конвенционных тарифов: договаривающиеся стороны делали взаимные уступки в пошлинах на товары, в приобретении или в сбыте которых они были заинтересованы. Такие договоры были заключены между Германией, Австро-Венгрией, Италией, Швейцарией и Бельгией и вступили в действие с февраля 1892 г. С 20 июля 1893 г. и в России был установлен двойной таможенный тариф: общий — для стран, благоприятствующих России, и повышенный — для прочих. Первый торговый договор на конвенционных началах был заключен с Францией. Основным его положением было обоюдное пользование правом благоприятствующей нации во всем, что касается ввоза, вывоза, транзита и пр. Кроме того, обе стороны обязались не допускать в пользу фабрикатов третьего государства никаких льгот, которые не были бы распространены на произведения договаривающейся стороны. На основании этого договора Франция понизила пошлины на керосин на 50%, открыв тем самым свой рынок для российских нефтепродуктов. Впоследствии такие же договоры были заключены с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Данией, Португалией, Сербией, Японией, Тунисом. Российская империя, заключая торговые соглашения с рядом европейских государств, теряла тарифную автономию.¹¹ И уже к началу XX в. российский таможенный тариф окончательно перестал быть автономным, а Российская империя вступила в договорные отношения по поводу таможенного тарифа практически со всеми крупными европейскими государствами.

Относительно успешная внешнеэкономическая политика привела к тому, что к началу XX в. Россия имела активный торговый баланс, а ее доля в мировой торговле составляла 3,6%, что можно считать значительным результатом. При этом нельзя согласиться и с высказываемым в литературе мнением о возрастающем политическом влиянии некоторых государств на Россию вследствие увеличения их капиталовложений в российскую экономику. Конечно, некоторые предпочтения были, но они форми-

¹⁰ ГАСО. Ф. 339. Оп. 10. Д. 68. Л. 178.

¹¹ См.: Егоров М. Ю. Эволюция таможенного тарифа Российской империи в XIX столетии: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. С. 14–16.

ровались под воздействием других факторов. В начале XX в. наблюдается складывание монопольных структур в нескольких отраслях промышленности и зон влияния иностранного капитала. Однако в общем процессе монополизации в промышленности России удельный вес иностранных участников был незначительным. К тому же государство осуществляло контроль над действиями иностранных предпринимателей с помощью законодательства и мер, установленных для относительно свободной рыночной системы в интересах национальной экономики. Иностранные предприниматели были существенно ограничены в правах приобретения недвижимости, пользования кадрами, землеотвода и т. д.

Таким образом, можно утверждать, что практика тарифного регулирования связей с мировым рынком была удачным ответом России на вызов времени. Промышленный подъем рубежа XIX–XX вв., обязанный внешнеэкономическому фактору, хотя и не ликвидировал отставание отечественной промышленности

от европейской, значительно продвинул Россию в экономическом развитии. Сам вариант «прагматического» регулирования внешнеэкономической деятельности в исторической ретроспективе несет в себе черты поучительного опыта для современной практики.

1. С точки зрения современных процессов крайне ценен опыт координации, взаимоувязывания на первый взгляд диаметрально противоположных интересов участников мирохозяйственных связей.

2. Для закрепления на мировом рынке отечественных производителей неизбежна передача части национальных прерогатив, издавна считавшихся неотъемлемой принадлежностью суверенитета, в общую систему связей между государствами-участниками торгово-экономических отношений.

3. Гибкая тарифная политика Российской империи разрушает представления, отрицающие возможность и целесообразность сильных регулирующих механизмов во всемирном рыночном хозяйстве.

Ключевые слова: *торгово-экономические связи, иностранный капитал, тарифное регулирование, конвенционные соглашения, либеральный внешнеэкономический порядок, протекционизм*

Vladimir P. Timoshenko

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: vpt@k66.ru

INDUSTRIAL REVOLUTION IN RUSSIA: LIMITS OF THE FOREIGN TRADE LIBERALISM

The article deals with the system of foreign trade relations administration in the Russian empire during the industrial revolution period. Expansion of trade and economic relations, inflow of foreign investment to the Russian economy facilitated mobilization of the national capital and growth of the Russian domestic businesses. The government measures aimed at protection of domestic industry from competition together with the tax, tariffs and customs regulation played an important role in the process. Pragmatic government policy had, without prejudice to the foreign partners' interests, created the necessary prerequisites for close cooperation with the leading European economies.

Key words: *trade and economic relations, foreign capital, tariff regulation, the convention's agreement, a liberal foreign trade order, protectionism*

REFERENCES FOR CITATION DATADASE

Bovykin V. I. Moscow: Nauka, 1984, 285 p. (in Russ.).

Bovykin V. I., Reshetnikov V. *Izvestiya* (News), 1993, May 5. (in Russ.).

Gavrilov D. V. Ekaterinburg: UrO RAN, 2005, 616 p. (in Russ.).

Materialy po istorii SSSR (Materials on the history of the USSR). Moscow: Izd-vo AN SSSR, Vol. 6, 1959, 800 p. (in Russ.).

Mendeleev D. I. *Uchenie o promyshlennosti* (The doctrine of the industry). Leningrad; Moscow: Izd-vo AN SSSR, Vol. 20, 1950, pp. 217-575. (in Russ.).

Shepelev L. Ye. Leningrad: Nauka, 1973, 347 p. (in Russ.).

Shvanebakh P. Kh. St. Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1903, 203 p. (in Russ.).

Timoshenko V. Russian Studies in History, 2011, Vol. 50, № 2, pp. 79–94. (in English).

Yegorov M. Yu. *Evolyutsiya tamozhennogo tarifa Rossiyskoy imperii v XIX stoletii: avtoreferat disertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk* (Evolution of the Customs Tariff of the Russian Empire in the XIX century: summary of the thesis for the degree of Candidate of Economic Sciences). Moscow: Iz-vo RGGU, 2010, 26 p. (in Russ.).